

А. Е. Кунильский

ЯЗЫЧЕСКОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ В РОМАНЕ «ИДИОТ»

Роман, в котором Достоевский собирался изобразить героя, ориентированного на Христа, где была бы представлена «теория практического христианства» (9; 268), в последнее время нередко прочитывается совершенно в другой системе координат. Так, Е. Курганов сочувственно ссылается на статью Л. В. Карасева «О символах Достоевского», который—де «абсолютно оправданно отметил языческий дух романа „Идиот“»¹ или даже определил это произведение в целом как «языческий роман»². На мой взгляд, более правильный подход представлен в работе Г. Г. Ермиловой, отметившей, что «приметы античного — дохристианского — мира <...> устойчивы и ненавязчиво постоянны в романе», но они даны в соотношении с миром христианским³.

Действительно, Достоевский, показывая героя—христианина, вводит его в мир, в котором ему, как когда-то первым христианам, противостоит другая идеология, другая система ценностей, другой уклад жизни и т. д. Несмотря на многие века существования христианства, этот мир не только не освободился от язычества, но и активно его культивирует. До Достоевского это же представление в символической форме замечательно выразил любимый им Пушкин в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» (1830). Здесь герой вспоминает, как в юности он не внимал «полным святыни словесам» и «понятному смыслу правдивых разговоров» своей воспитательницы—христианки, а убежал в «чужой сад», чтобы мечтать, праздно мыслить, испытывать «сладкий некий страх», проливать

¹ Курганов, Ефим. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Опыт прочтения. СПб., 2001. С. 15; Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995. С. 59.

² Курганов, Ефим. Указ. соч. С. 82.

³ Ермилова Г. Г. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: поэтика, контекст: Дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 1999. С. 159, 162.

«слезы вдохновенья» и поклоняться статуям Аполлона и Афродиты — «двух бесов», олицетворяющих гордость и сладострастие. Поклонение этим идолам не сделало героя стихотворения счастливым: они бросали тень на его душу, вызывая в ней холод, уныние и угрюмость.

Если в начале XIX в. античность присутствовала в русской культурной жизни больше, так сказать, эстетически, то в сороковые и последующие годы начинается мощная идейная экспансия язычества⁴. Это отмечал, например, отличавшийся широким культурным кругозором и философской эрудицией архиепископ Никанор (Бровкович). В 1862 г. он писал: «Мы переживаем время какого-то религиозного бездумья при обстоятельствах грозных»⁵. «Многие положительно перестают даже креститься. <...> Стыдятся <...>»⁶. По мнению архиепископа Никанора, итогом разрушения веры стало распространение «философии Чернышевского-Писарева в теории» и осуществление «выводов Добролюбова на практике»⁷; русская интеллигенция, писатели отказываются от христианства и обращаются в язычество: «<...> никого уже и ничего не опасаясь, тщеславятся и сами себя величают прозвищем язычников и полуязычников»⁸. «Да, к несчастью возвращается язычество, и самими язычниками из христиан провозглашается, что оно возвращается»⁹.

Языческий характер жизни русского общества ощущался не только священнослужителями, но и мирянами. Так, А. И. Кошелев в 1852 г. писал: «Много это время я думал и все более и более вижу необходимость разорвать связи с язычеством, т. е. нашим обществом и нашим общественным бытом, и крепче прилепиться к учению Христову и к образу жизни, с Ним согласному. Все мы называемся христианами, а между тем в жизни, в мыслях и в чувствах немногим чем ушли от язычников»¹⁰.

Отношение Достоевского к античной культуре, естественно, претерпевало изменения на протяжении его жизни. Как человека эстетически чуткого его не могли не восхищать, например, произведения Гомера.¹¹ Но в 1840 г. он рассматривает Гомера и как идеолога, ставя его в один ряд с Христом: «Вот как я говорю: Гомер (баснословный человек, может быть как Христос, воплощенный богом и к нам посланный) может быть параллелью только Христу, а не Гете. <...> Ведь в „Илиаде“ Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни, совершенно в такой же силе, как Христос новому» (28; 69). В начале 1860-х гг. Досто-

⁴ Об этом см.: Степанян, Карен. Достоевский и язычество: (Какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?). М., 1992. С. 29–30 и след.

⁵ Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский. Поучения, речи, воззвания и послания. 3-е изд. Одесса, 1890. Т. I. С. 265.

⁶ Там же. С. 476.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 317; ср. с. 154, 255, 283.

¹⁰ Цит. по: Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. М., 2002. С. 489.

¹¹ Об этом см.: Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер: (к постановке проблемы) // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1994. С. 3–36.

евский защищает эстетические ценности от утилитаристов и в споре с Добролюбовым, развивая идеи стихотворения Пушкина «Поэт и толпа», доказывает благотворное влияние искусства на человека на примере созерцания статуи Аполлона Бельведерского (статья «Г–н –бов и вопрос об искусстве» — 18; 77–78). А в 1880 г. его отношение к Аполлону Бельведерскому уже совершенно иное. Говоря о принятии христианства Римской империей, Достоевский пишет: «Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые могли только существовать на земле: человекобог встретил Богочеловека, Аполлон Бельведерский Христа» (26; 169).

Роман «Идиот» создается Достоевским во время, находящееся между этими двумя упоминаниями Аполлона Бельведерского — сначала как символа гармонии, а потом как человекобога, противостоящего Христу. Мне кажется, это был ключевой момент в развитии культурологических и религиозно-философских представлений писателя. Тогда происходило критическое переосмысление идей Белинского, которого Достоевский воспринимает как предшественника и учителя своих оппонентов из лагеря нигилистов.

Мне уже приходилось писать о том, что одним из источников проникновения в роман «Идиот» «античного» элемента была, видимо, вторая статья Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина» (1843) и разбираемые в ней стихотворения К. Н. Батюшкова «<Из греческой антологии>» (1817)¹². В этой статье Белинским дается описание ценностей греческой (языческой) и средневековой (христианской) культур в сфере эротических отношений. Судя по тону и замечаниям, которые делает автор, ему гораздо ближе «греческое» понимание любви и жизни в целом. Эта линия была продолжена в романе Чернышевского «Что делать?» (1863), где жизни и любви учит Веру Павловну являющаяся ей языческая богиня.

В своем произведении Достоевский, напротив, стремится к актуализации христианских ценностей в пору возрождения и распространения языческого миропонимания и жизнеотношения. В романе «Идиот» показано, как гордость, эстетизм и любовная страсть несут с собой страшные душевные раны и смерть.

Черты язычества явственно проступают в изображаемой Достоевским петербургской жизни. Когда Мышкин попадает к Епанчиным, он оказывается в окружении юных граций. Численность сестер, их внешность, взаимные дружеские отношения, занятия (музыка, живопись; см.: 8; 16, 47, игра в шахматы и в карты; см.: 8; 423), имя младшей сестры (Аглая) — все это позволяет соотнести образы данных героинь с тремя сестрами грациями (харитами) античной мифологии, которые «<...> были у греков богинями грации, дружеских радостей и веселой праздничной жизни». Имена граций — Эвфросина (праздничная радость), Аглая (праздничный блеск) и Талия (цветущее счастье). «Хариты изображаются обыкновенно все три

¹² См.: *Кунильский А. Е.* Статьи Белинского о Пушкине как один из источников романа «Идиот» // *Достоевский и мировая культура.* СПб., 2003. № 19.

вместе, так как у них преобладает идея товарищества; это стройные, цветущие, девственные фигуры, с ласковым выражением лица. Их атрибуты: музыкальные инструменты, мирты, розы, игральные кости»¹³. В Греции хариты пользовались культовым почитанием. В семье Епанчиных «домашним идолом» (8; 16, 428), которому готовы приносить жертвы (см.: 8; 34), является дочь и сестра с именем грации — Аглая. С харитами ее связывает, очевидно, и ее необыкновенная стыдливость («<...> до какого сумасбродства она до сих пор застенчива и стыдлива <...>» — 8; 390):

Стыдливость робкая, харит бесценный дар
(Пушкин, «Дориде», 1820)¹⁴.

Телесная красота сестер отличается поистине скульптурной пластикой: «Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и, конечно, вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать» (8; 32). В демонстративном нежелании ограничивать себя в еде несомненно присутствует элемент вольнодумства: Достоевский приводит перечень блюд, обычно составляющих у сестер завтрак, и ничего не говорит о том, что в тот день, когда их гостем стал Мышкин, утреннее меню было другим — не таким обильным и скоромным. А дело происходило 27 ноября — то есть в Рождественский пост. Мышкина, который так завтракает вместе с ними, извиняет хотя бы то, что он проделал долгий путь, сильно проголодался (см.: 8; 45, 47) и находится в гостях, — а там, как известно, воля не своя.

Еще один персонаж, образ которого явно связан с мотивом античного язычества, это Афанасий Иванович Тоцкий — сластолюбец и ценитель всего изящного. Здесь Достоевский использует данное Белинским описание ценностей языческого сознания¹⁵. «Изящное наслаждение», которое критик считал «сущностью романтизма по греческому воззрению», можно рассматривать как девиз Тоцкого. Слово «изящный» неоднократно встречается в его характеристике. О стиле его отношений с юной Настасьей Филипповной говорится: «<...> и так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно» (8; 36). Символизирует эти отношения огромная статуя Венеры в квартире Настасьи Филипповны (см.: 8; 134), очевидно, подаренная Афанасием Ивановичем. Перемены, впоследствии происшедшие с Настасьей Филипповной, Тоцкий воспринимает неблагоприятно не только по житейским, практическим соображениям, но и по соображениям эстетическим. Его подопечная выбивается из привычного для него стиля, и на языке Тоцкого это «какая-то душевная и сердечная бурда» (8; 37), то есть что-то неприлично азиатское («бурда»

---

¹³ Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. Полн. пер. с 6-го последнего нем. изд. СПб.; М., 1888. С. 226.

¹⁴ Кстати, это стихотворение Белинский цитирует в третьей статье названного цикла (см.: *Белинский В. Г. Собр. соч.* М., 1981. Т. 6. С. 185).

¹⁵ Архиепископ Никанор писал о греках-язычниках: «У них идеалом блаженства были наслаждения земной телесной жизни» (Указ. соч. С. 313).

в переводе с татарского — это мутное смешанное питье¹⁶), «добровольное любование своей тоской, одним словом, даже некоторый романтизм, не достойный ни здравого смысла, ни благородного сердца Настасьи Филипповны» (8; 41).

Одинокая, чувствующая себя оскверненной, оскорбленная тем, что ее делают предметом торга, Настасья Филипповна озлобляется на весь мир и считает возможным вести себя по отношению к нему подчеркнуто агрессивно. Хотя уголок для веры и добра все-таки остается в душе этой «чрезвычайно русской женщины» (8; 104). Тоцкий стремится сделать из нее жрицу изящного сладострастия, а Настасья Филипповна проявляет странные, на его взгляд, вкусы (8; 114), общается с простыми людьми, любит каких-то «старичков, старушек и даже юродивых <...>» (8; 119). В основе ее отношения к жизни лежат традиционные христианские ценности, она глубоко переживает (как это ни странно для современного человека и для основоположника русского нигилизма Белинского¹⁷) утрату невинности, потому-то и считает, что Мышкину нужна не она, а Аглая, которой пишет: «Вы невинны, и в вашей невинности всё совершенство ваше» (8; 380). Себя Настасья Филипповна видит безвозвратно погибшей: «Эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое павшее, самое порочное существо из всех на свете» (8; 361).

Очень значимыми оказываются имя, отчество и фамилия героини. Имя *Настасья-Анастасия* в переводе с греческого означает «восстание», «воскресение» и указывает на переживаемый ею душевный процесс. Оно могло иметь особый смысл для Достоевского, потому что в день его рождения — 30 октября и накануне — 29 октября праздновалась память святой мученицы Анастасии Солунской и преподобномученицы Анастасии Римляныни, которые, скорее всего, представляли одно лицо¹⁸. В народе последнюю именовали Анастасией овечницей¹⁹, и это могло подсказать писателю, какую фамилию дать героине (ср.: Анастасия овечница // Настасья Барашкова).

Святая Анастасия, так же как Настасья Филипповна, в раннем детстве осталась сиротой. «Достигнув двадцатилетнего возраста, Анастасия стала чрезвычайно красивой, так что некоторые из знатных римских граждан, прослышав о ее красоте, страстно желали взять ее в жены»²⁰. Римский военачальник посылает солдат в монастырь, где живет Анастасия, чтобы они привели ее. Воспитательница Анастасии игуменья София учит ее не пытаться избежать смерти, а готовиться к принятию мученического венца:

---

¹⁶ Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. С. 244.

¹⁷ То, что «средневековый романтизм» (христианство) дорожит невинностью женщины, Белинский называет «грязно-чувственным понятием» (см.: Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 6. С. 132).

¹⁸ Краткие жития святых на весь год / Изд. редакции журнала «Воскресное чтение». М., 1993. С. 230.

¹⁹ См.: Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 641 (статья «Овен»).

²⁰ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. 2-е изд. М., 1904. Кн. 2: Октябрь. С. 593.

она должна «стоять за своего возлюбленного Жениха—Христа до крови» и доказать, что она «истинная Его невеста»²¹. Военачальник пробует увещевать Анастасию, сулит ей богатого и знатного жениха, предлагает поклониться языческим богам и жить как все. Анастасия отказывается от этого, принимает страшные мучения и умирает. Игуменья Софья причитает над телом Анастасии: «<...> ты предстала пред своим Женихом в брачном одеянии твоего непорочного девства, изукрашившись твоею кровью»²². И в кондаке, посвященном этой святой, сказано: «мученичества кровью Анастасие венчавшись»²³.

Настасья Филипповна также сознательно идет на смерть, прекрасно зная, что ждет ее после свадьбы с Рогожиным. «Да потому—то и идет за меня, что наверно за мной нож ожидает!» — говорит Рогожин (8; 179; ср.: 32, 173, 176–177, 180, 380). Ее брачная одежда также окрашена кровью, истинным ее женихом оказывается другой, а не тот, кому суждено было стать лишь мучителем, осуществляющим процесс жертвоприношения.

Конечно, с точки зрения ортодоксального христианства навязчивое желание быть убитой не может быть одобрено. «В желаниях своих Настасья Филипповна всегда была неудержима и беспощадна <...>» (8; 121). Мышкин с болью наблюдает за тем, что с ней происходит, будучи не в силах помочь. Можно предположить, что намек на истолкование поведения Настасьи Филипповны содержится в ее отчестве: оно напоминает о самом фанатичном толке среди старообрядцев — «филипповщине»: у них самоубийство во всех видах считалось верным средством спасения, ухода из «царства антихристов» в «царство небесное»²⁴. О напряженности религиозных (эсхатологических) настроений Настасьи Филипповны говорит и тот факт, что она находится под сильным впечатлением от Апокалипсиса (8; 167)²⁵.

В романе «Идиот» мы попадаем в атмосферу глубоких религиозных переживаний, и то, что в целом ряде случаев они связаны с представлениями, которые носят еретический характер, не лишает их интенсивности. Примером может послужить Рогожин. Образ этого героя, как почти всегда у Достоевского, неоднозначен. С самого начала он представлен как антипод христианина Мышкина. Насмешливость Рогожина («тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглуую, насмешливую и даже злую

---

²¹ Там же. С. 595.

²² Там же. С. 601.

²³ Там же. С. 602.

²⁴ О желании Настасьи Филипповны покончить с собой в романе говорит и она сама, и Рогожин («<...> тысячу раз в пруд хотела кинуться, да подла была, души не хватало, ну, а теперь...» — 8; 144; «Да не было бы меня, она давно бы уж в воду кинулась» — 8; 180). Очевидно, знает об этом и князь Мышкин, иначе как можно объяснить тот «ужас», который испытывает он от общения с героиней и даже от воспоминания о ней (8; 289, 361).

²⁵ Интересно отметить, что в XI или XII вв. в Византии был создан «Апокалипсис Анастасии», в котором содержались «чувственно-детализированные картины ада и адских мучений» (Афанасьева В. К. Ад // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 37–38).

улыбку» — 8; 5), исходящий от него холод (у Мышкина он вызывает «холод душевный» — 8; 192, у Ипполита — «холод в спине» — 8; 341) связывают его с дьяволом. Такие детали, как имя (Парфений — девственник), количество сопровождающих его людей («человек десять или двенадцать», «две какие-то дамы» — 8; 95), позволяют говорить об антихристовом пародировании, присутствии образу данного персонажа. Вместе с тем Рогожин проявляет глубокую заинтересованность вопросом веры («<...> Рогожин не одна только страстная душа; это все-таки боец: он хочет силой воротить свою потерянную веру» — 8; 192), ему свойственна старообрядческая неистовость (что подчеркивается его фамилией)²⁶. Нельзя сбрасывать со счетов и скопческое окружение Рогожина (многолетнее соседство со скопцами, скопческие черты во внешности отца на портрете — 8; 172, 173). Убийство жены во время первой брачной ночи²⁷ в некоторой мере является аналогом усекновения плоти (а для скопцов это путь в Царство Небесное, как для «филипповцев» самоубийство)²⁸.

Князь Мышкин приходит в мир, где «все с ума спятили от гордости и тщеславия» (8; 267). Эта характеристика принадлежит Лизавете Прокофьевне, и относится она к молодым нигилистам из «компании Бурдовского». Но в известной мере она может быть приложима и к ее собственным дочерям, гордость которых дважды подчеркивается в романе («<...> они горды и цену себе понимают»; «это были девицы гордые и высокомерные <...>» — 8; 16, 150). Гордость присуща Настасье Филипповне («Это гордое лицо, ужасно гордое <...>»; «гордость и презрение, почти ненависть были в этом лице» — 8; 32, 68), Гане («не сдаюсь да гордость показываю» — 8; 103), его сестре Варе («Это была тоже довольно гордая женщина <...>» — 8; 151); восхищается гордостью Ипполита их младший брат Коля: «<...> ведь это гордо!» (8; 367).

Названные Лизаветой Прокофьевной качества — «гордость и тщеславие», по христианским понятиям, очень опасны и принадлежат к восьми главным греховным страстям, перечень которых составлен святыми отцами еще в первые века христианства (это чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость)²⁹. Например, св. Иоанн Кассиан Римлянин (IV–V вв.) писал о гордости: «Страсть эта, хотя в по-

²⁶ «Вот на эту-то духовную близость и тяготение Рогожина к сектантству и старообрядчеству и намекает фамилия *Рогожин*, которая ассоциируется у Достоевского с известным московским раскольничьим центром, сосредоточенным вокруг Рогожского кладбища и называемым „Рогожское согласие“» (Альтман М. С. Достоевский: По векам имен. Изд-во Саратовского ун-та, 1975. С. 71).

²⁷ То, что Настасья Филипповна и Рогожин не обвенчаны, в данном случае не имеет значения. «Одной плотью» становится мужчина и с женой (см.: Быт. 2: 24) и с блудницей (см.: 1 Кор. 6: 16).

²⁸ Скопцы рассматривали связь с полом как грех и понимали одно место в Евангелии от Матфея как выражение свойственных христианству ценностных представлений («Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» — Мф. 19: 12).

²⁹ См.: Добротолюбие. В русском переводе, 2-е доп. изд. М., 1895. Т. 2.

рядке изображения борения со страстями полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь <...>³⁰.

Однако в эпоху ревизии христианских ценностных представлений — в «просвещенном» XVIII в. — прежние понятия об опасности страстей и, в частности, гордости были опровергнуты, а сами страсти — оправданы. Можно привести характерные замечания на эту тему Дидро и Вольтера, очень популярных в Европе и России идеологов Просвещения. Дидро: «Всегда и всюду ополчаются против страстей; на них возлагают ответственность за все мучения человека, забывая, что они же являются источником всех его удовольствий <...> Но я не могу видеть без досады, что их всегда рассматривают именно с дурной стороны <...> А между тем только страсти и только великие страсти могут поднять душу до великих дел. Без них конец всему возвышенному как в нравственной жизни, так и в творчестве»³¹. Вольтер, заявлявший: «Я — не христианин <...>», оправдывал первую из страстей — гордость: «<...> гордыня — главное орудие, с помощью которого было воздвигнуто прекрасное здание общества»³². Выше уже говорилось, что Пушкин в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» указывал на гордость как на наиболее характерное именно для языческого сознания качество. Обоснованию правомерности подобных качеств посвящен роман «Что делать?». Его автор Н. Г. Чернышевский — сын священника и бывший семинарист — прекрасно знал христианскую топику, но в своем произведении сознательно ее искажал. Так, он пишет о «святой гордости»³³, а в любимой героине подчеркивает то, что «она очень горда»³⁴.

В романе «Идиот» главным идеологом воинствующего неоязычества является Ипполит Терентьев. Князь Мышкин простил Гане полученную от него пощечину и потом в знак примирения поцеловался с ним (8; 101). Со слов Коли Иволгина нам становится известно, что, узнав об этом, Ипполит «<...> даже разозлился, говорит, что тот, кто прощает пощечину и не вызовет на дуэль, тот подлец» (8; 112). Ипполит «смеялся» над помощью, которую его семье оказывает Нина Александровна Иволгина: он считал «низостью» то, что она помогает детям любовницы собственного мужа (8; 113). «Ипполит ростовщичество оправдывает <...>» (Там же), то есть берет под защиту то, что всегда осуждалось Церковью, но приветствовалось либеральными экономистами³⁵.

³⁰ Там же. С. 81.

³¹ Дидро Д. Собр. соч. М., 1935. Т. 1. С. 91.

³² Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С. 266.

³³ Чернышевский Н. Г. Что делать? Гл. третья. XX.

³⁴ Там же. Гл. четвертая. VI. IX.

³⁵ Церковь отрицательно относилась к ростовщичеству, основываясь на Евангелии: «<...> займы давайте, не ожидая ничего <...>» (Лк. 6: 35). Лихоимцы (то есть те, кто берет лихву — проценты) назывались в числе грешников, которые «Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 10). Свт. Тихон Задонский относил к мучителям тех, «которые бедным людям дают заем, но с них процент берут»: «Таковые беззакония, как содом-

Взгляды Ипполита имеют принципиальную антихристианскую направленность. По его мнению, из-за слов, сказанных Иисусом Христом, пролилось столько крови, «что если б пролилась она вся разом, то люди бы захлебнулись, наверно!» Из рассуждений Ипполита следует, что Христос сказал «ужасную ложь» (8; 247). Христианская картина мира, христианские ценности его не устраивают, потому что его собственные представления укладываются в рамки распространившегося в XIX в. социального дарвинизма: жизнь — это «беспрерывное поедение друг друга» (8; 344), что само собой устраняет понятия греха, вины, совести: «<...> просить прощения мне не у кого и не в чем <...>» (8; 342). И князя Мышкина Ипполит ненавидит (8; 249, 322) именно как «ревностного христианина» (8; 317; ср.: «христианские доказательства», «такие, как он, христиане» — 8; 342), то есть человека прямо противоположных взглядов и поведения.

Отношения с Ипполитом — пример того, как на всеобщую гордость князь Мышкин отвечает по-христиански — смирением. В подготовительных материалах к роману Достоевский написал: «Смирение — величайшая сила» (9; 222), а в окончательном тексте Ипполит доносит до нас слова Мышкина: «Говорят, смирение есть страшная сила; надо справиться об этом у князя, это его собственное выражение» (8; 329). Свт. Тихон Задонский называл смирение «алфавитом христианского учения»³⁶. Можно сказать, что в романе «Идиот» и проговаривается эта азбука христианина. В мир, где царит гордыня, приходит человек, начисто ее лишенный. Но как раз это и сообщает князю способность сильно воздействовать на людей, напоминать им, что все они — братья и сестры (см.: 8; 65, 157, 171, 264, 265, 303). Ощущение общности, родственности всех людей, соединяющей их братской и сестринской связи заставляет сердце самого Мышкина биться, и это, кажется, именно то, что Достоевский в подготовительных материалах к роману определил как «любовь христианскую» (9; 220).

Закономерен вопрос: каковы же результаты деятельности Мышкина, что ему удалось сделать, кому он помог? Распространенным стало обвинение его в том, что он не только никому не помог, но, напротив, усугубил тяжесть положения других персонажей или даже спровоцировал своими действиями их гибель³⁷.

ские и гоморрские грехи, на небо вопиют» (Творения Иже во всех святых отца нашего Тихона Задонского. Т. IV: 1777–1779. Сокровище духовное. М., 1889 (репринт: 1994). С. 360). Ростовщичество осуждалось и в народе (см. в словаре Даля: «Ростовщики на том свете каленые пятаки голыми руками считают». — Т. 4. С. 77). С XVI в. на Западе начинается кампания в защиту взимания процентов при займах. До 50-х гг. XIX в. в европейских законодательствах существовала норма взимания процентов, однако постепенно она была отменена. Этому способствовало распространение учения экономического либерализма (Бентам и др.), в соответствии с которым нормирование процента признавалось стеснением свободы и тормозом для развития экономики.

³⁶ Творения Иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. С. 197–198, 200–201.

³⁷ См., например: Горичева Т. М. О кенозисе русской литературы // Христианство и русская литература. СПб., 1994. [Сб. 1.] С. 62. Исупов К. Г. Возрождение Достоевского в

На это можно ответить, что и Христа с древнейших времен упрекали в «безрезультативности» Его действий³⁸. Все зависит от того, как понимать смысл и направленность этих действий. Только люди наивные или недобросовестные могут говорить о полной гармонизации жизни в земных условиях, о возможности построения Царства Божия на земле. Чернышевский в романе «Что делать?» показал, как «новые люди» решают все проблемы, перед ними возникающие, в том числе и проблему межличностных отношений. Что же мешало Достоевскому написать произведение, где герою все удавалось бы и все противоречия разрешались просто? Но так мог поступить только человек, который считал бы всю предшествующую историю цепью непрерывных ошибок, а всех людей глупцами. Проблемы, стоящие перед человечеством, невероятно сложны, люди всегда пытались и пытаются их решать, однако надеяться на скорый и радикальный успех могут только утописты. Уже после появления на свет романа «Идиот» Достоевский писал о том, что с давних времен «малая часть церкви» продолжает дело Христа, но это «всё только лишь пробы, даже до наших дней» (26; 169). В XX в. митрополит Сурожский Антоний еще раз напомнил об этой трудности дела христианина: «<...> мы должны быть очень осторожны, когда думаем о христианской деятельности как о такой деятельности, которая целесообразна, планомерна, успешна, которая обращена к определенной цели и ее достигает, которая так проводится, что венчается успехом»³⁹. И еще: «Думать, что вы пройдете свой путь безошибочно, просто неразумно. По-моему, святитель Тихон Задонский говорил, что в Царство Небесное идут не от победы к победе, а от поражения к поражению, только доходят те, которые после каждого поражения встают и идут дальше»⁴⁰. Мышкин после своего «поражения» подняться уже не может, как боец, который сражался до конца и погиб. Он отдал себя людям всего и был растерзан в вихре страстей. Психиатр В. Чиж заметил: «Сильнейший драматизм этого романа, по моему мнению, состоит в том, что окружающие Мышкина, люди до известной степени образованные, расположенные к нему и даже его любящие, и не подумали побережь его здоровье, а с чистым сердцем невежества мало-помалу довели его до неизлечимого, тяжелого помешательства; никто из этих невольных убийц потом нимало и не раскаивался; кто больше любил Мышкина, тот больше всех и повредил ему. Таким образом главное содержание романа — это неумышленное систематическое убийство человека людьми, желавшими своей жертве всего лучшего»⁴¹. Как и в стихотворении Пушкина, покло-

---

русском религиозно-философском ренессансе // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 326.

³⁸ Например, Цельс (II в.) считал явление Бога в лице Иисуса «неприличным и бесполезным» (см.: Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. М.: «ТЕРРА» — «TERRA», 1991. С. 196).

³⁹ Антоний, митр. Сурожский. Человек перед Богом. 2-е изд., доп. [Б. м.], 2001. С. 59.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Чиж В. Достоевский как психопатолог // Русский вестник. 1884. Т. 171. Июнь. С. 829.

нение идолам гордости и сладострастия приводит здесь к печальным результатам.

Финал романа «Идиот» закономерен, идейно и художественно мотивирован.

Настасья Филипповна стала жертвой страстей — своих и чужих. Описание ее мертвого тела (8; 503) является парафразой одного стихотворения Батюшкова («Свершилось: Никагор и пламенный Эрот...», цикл «<Из греческой антологии>»), коим восхищался Белинский, считая его замечательным выражением языческого чувства изящного наслаждения. Достоевский показывает конец истории, начало которой было положено любителем всего изящного Тоцким.

Аглая Епанчина выбрала путь, соответствующий ее гордости и страсти к аффектации. Она связала свою жизнь с человеком, представившимся борцом за независимость Польши (8; 509). Это гораздо больше отвечает умонастроению молодежи 60-х гг. (с ее культом борьбы, свободы, разрушения собственной страны), чем те христианские взгляды, выразителем которых является Мышкин. У него ведь и гордости нет, и пистолет он зарядить не умеет (см.: 8; 294).

Ну, а Мышкин... Он последователен как никто и до конца верен принятой на себя роли. Сто с лишним лет назад в газете «Новое время» была высказана мысль очень простая и даже очевидная, но, наверное, в силу этого неинтересная многим авторам, писавшим о романе «Идиот»: «Вообразите себе христианина, поступающего сообразно с теми принципами, которые 2000 лет назад были завещаны миру Иисусом Христом. <...> Мышкин — христианин в самом идеальном смысле этого слова»⁴². О связи такого христианства с национальной духовной традицией очень хорошо сказал А. Волынский: «Мышкин — это пророк нежного и кроткого богопонимания, которое он проповедует в простых, народных русских образах»⁴³.

В справедливости этих слов убеждает сопоставление облика и поведения Мышкина с описанием русских святых в книге Г. П. Федотова. Со времен благоверных князей Бориса и Глеба особое значение на Руси приобрела идея непротivления⁴⁴, которая «сообщает характер вольного заклания насильственной кончине <...> русская церковь не делала различия между смертью за веру во Христа и смертью в последование Христу, с особым почитанием относясь ко второму подвигу»⁴⁵. Другая очень важная для русского религиозного сознания черта — повышенное внимание к уничи-

⁴² А. К. О романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Новое время. 1899. 17 декабря № 8552. С. 2.

⁴³ Волынский А. Борьба за идеализм: Критические статьи. СПб., 1900. С. 528–529.

⁴⁴ Ср.: «Подвиг непротivления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное откровение новокрещеного русского народа» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 49).

⁴⁵ Там же. С. 50.

женному (кенотическому) образу Христа. «Этот образ отпечатлелся неизгладимо в мирянской святости, которая составляет особое призвание русской церкви»⁴⁶.

Создавая образ героя-христианина, Достоевский наделил его характером и судьбой, соответствующими национальным представлениям о святости. На всеобщие гордость и агрессивность «идиот» (мирянин с чертами юродства) князь Мышкин отвечает кротостью и беззащитностью. Его жизненным итогом становится неизлечимая душевная болезнь — сниженный (кенотический) вариант гибели. Но есть и художественный результат — рождение образа, редкого по трагической красоте, нравственно-психологической убедительности и духовному воздействию на читателей.

---

⁴⁶ Там же. С. 236.